

Мрачная и сырая темница, где бесконечные стоны и вопли узников, словно крики злобных призраков, висели в тяжелом воздухе, вызывая невольную дрожь.

— Открыть дверь!

Раздался лязг и грохот — тяжелый, противный уху засов снаружи сдвинули с места. Дверь со скрипом отворилась. В камеру вошла Гу Лихуа: изысканно накрашенная, закутанная в роскошную накидку с золотым шитьем, она ступала с высокомерием павлина. Следом служанка с прической в виде двух узлов осторожно внесла кресло. Гу Лихуа не спеша опустилась в него, всем своим видом выказывая спесь.

— Ну что, наставник государства, вы приняли решение?

Три дня назад Великая принцесса, чье положение было столь высоко, снизошла до того, чтобы нанести визит, формально назвав его посещением. В соседней камере Вэй Шань, облаченный в грубую арестантскую робу, сидел с закрытыми глазами, подобно одинокой сосне на краю утеса, отрешенный от всего мирского и не замечающий происходящего вокруг.

Гу Лихуа презрительно фыркнула:

— Что такое? Я, особа столь высокого происхождения, неужели не достойна того, чтобы стать вашей женой?

Лунный свет, пробивавшийся сквозь высокое окно, упал на вытянутые ноги Вэй Шаня. Он невозмутимо ответил:

— Благодарю за столь высокую честь, принцесса, но я не достоин. Однако в делах брачных вынужден просить вас простить меня — я не могу дать согласия.

Тот визит, закончившийся раздором, был лишь прикрытием для сделки. Она пыталась обменять жизни всех домочадцев Наставника на брак, который, казалось бы, должен был достаться ей легко.

— Ха-ха-ха... — лицо Гу Лихуа, густо напудренное, исказилось в злобной гримасе. Сквозь зубы она процедила: — Вэй Шань, ты, что так печешься о народе, теперь ради какой-то женщины по имени Линь Фу готов пожертвовать жизнью стольких людей? Как же старый Наставник мог воспитать такого «достойного» сына?

Она поднялась, и ее пышный подол зашуршал по полу. Гу Лихуа медленно направилась к Вэй Шаню, словно разговаривая сама с собой:

— В детстве отец читал мне «Историю Северной Ци», и больше всего мне запомнились слова: лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей! Чего не получу я, того не достанется

никому!

Однако Вэй Шань оставался неподвижен и бесстрастен, позволяя Гу Лихуа и дальше прыгать перед ним, словно шуту на потеху.

— Брат, умоляю тебя...

В торжественной резиденции генерала девушка с изящным станом шла следом за крепким мужчиной, всем своим видом выражая мольбу.

— Шумын, дело не в том, что я не хочу тебе помочь, — Янь Ху, за поясом которого висел меч, с жалостью смотрел на сестру, чье сердце было отдано не тому человеку. — Великая принцесса лично издала указ: любого, кто посмеет просить за него, казнить немедленно.

— Но ты же Генерал Небесного Алебарды нашего Пэнлая, правая рука принцессы! Если даже ты замолвишь слово, она наверняка призадумается.

Янь Ху нахмурил густые брови и тяжело вздохнул. Как его родная сестра могла быть такой наивной? Поколебавшись, он решил сказать правду:

— Ты и правда думаешь, что принцесса позволит казнить Вэй Шаня?

Янь Шумын замерла, а затем, осознав услышанное, схватила брата за руку и принялась трясти, словно ища опору для своего встревоженного сердца:

— Ты не обманываешь меня?

Глаза Янь Шумын засияли, а на губах заиграла улыбка, подобная колыханию нежной ивовой ветви. Янь Ху, не в силах смотреть на это, попытался вразумить ее:

— Оставь эти мысли, он не пара тебе.

С тех пор как он узнал, в кого влюблена сестра, он повторял это не меньше десяти раз. Никто при дворе не сомневался, что принцесса Гу Лихуа давно положила глаз на Наставника Вэй Шаня, и она никогда не допустит соперницу рядом. Янь Шумын почувствовала горечь во рту — она и сама это знала. Но как легко сказать «отсечь чувства мечом» той, чье сердце уже давно погрязло в любви?

Янь Ху похлопал сестру по плечу, глядя на сгущающиеся сумерки, и тяжело вздохнул: завтрашний день на площади станет самым хаотичным днем в истории Пэнлая!

— Наставник идет!

Этот крик вмиг всколыхнул народ. Люди, забыв обо всем, хлынули на улицы, и толпа забурилась, словно морские волны. В отличие от казней разбойников и убийц, когда народ ликовал, сейчас люди пробивались вперед с печалью на лицах. Стражники, сжимая алебарды, пытались сдерживать напор, но их гневные окрики тонули в людском море.

Цзи Фаньинь, нахлобучив соломенную шляпу, смешалась с толпой. Когда повозка с осужденным поравнялась с ней, она приподняла край шляпы. Чистый и строгий лик мужчины, словно иней, выпавший на рассвете, заставил ее замереть — даже в оковах он держался прямо, подобно сосне.

В голове Цзи Фаньинь раздался гул, она словно остолбенела, не в силах сдвинуться с места. Вэй Шань, почувствовав на себе пристальный взгляд, обернулся, но в плотном потоке людей никого не разглядел.

— Отпусти меня!

В узком, темном переулке Цзи Фаньинь отчаянно сопротивлялась, но высокий мужчина, не обращая на это внимания, лишь крепче сжал ее руку и ускорил шаг.

— Лян Сесяо!

В ярости, подобно дикой кошке, Цзи Фаньинь подалась вперед и впилась зубами в его руку. Лян Сесяо поморщился от боли, на его лбу пролегла складка, но хватку он не ослабил. В нос ударил запах крови, и этот резкий аромат, словно чьи-то сильные руки, вернул ей ясность рассудка.

Почему он не оттолкнул ее? Ведь он мог. Она проследила за его взглядом и поняла причину его защиты. Если бы он просто отпустил ее, она, потеряв равновесие, врезалась бы в грубую стену. Цзи Фаньинь прикусила губу, в ее ясных глазах отразилось глубокое раскаяние, особенно когда она посмотрела на искусанную руку.

— Прости... — она опустила взгляд, теребя пальцы.

— Фаньинь, не ищи его больше, хорошо? — Лян Сесяо сглотнул, его низкий голос звучал хрипло, почти умоляюще.

Снова? Цзи Фаньинь удивленно подняла брови. Разве она искала Вэй Шаня раньше? Она впервые видела Лян Сесяо таким подавленным, словно его сковали тысячетлетние цепи. Это зрелище пронзило ее сердце острой болью. Она не удержалась и обняла его за талию, прижавшись лицом к его груди, и мягко прошептала:

— Чжунбай, я просто хочу разрешить некоторые сомнения. Обещаю, как только спрошу, мы сразу вернемся в Инчжоу, идет?

Он погладил ее черные, как смоль, волосы, помолчал, а затем на его губах промелькнула слабая усмешка. Но не успела Цзи Фаньинь ничего добавить, как резкая боль пронзила ее шею, и она, лишившись чувств, начала падать. Лян Сесяо подхватил ее на руки.

— Я все же не могу позволить вам встретиться.

Он поцеловал девушку в гладкий лоб, его глаза были темны, как безлунная ночь.

— Время вышло! Казнить!

Юйши-дафу Ван Тао ударил по доске. Не желая видеть кровавую расправу, он отвернулся, и в этот же миг несколько людей в черном, словно призраки, выскочили из толпы, сбивая палачей с ног.

— Что за разбойники?! Схватить их всех!

По приказу Ван Тао стражники с мечами и алебардами окружили место казни, но толпа, словно обезумев, бросилась на них с голыми руками. Люди в черном подхватили Вэй Шаня, легко взмыли на крышу и исчезли из виду.

— Генерал, преследовать их? — в двухстах метрах от места казни, прячась за углом, спросил кто-то. Янь Ху задумчиво покачал головой.

— А если принцесса спросит...

— Скажите, что он здоров. Этого хватит.

Раз принцесса отправила его сюда, значит, у нее были и другие планы. Если бы такой расчетливый ум был направлен на благо страны, разве страдал бы народ Пэнлая? Но это были лишь его мысли. Янь Ху смотрел вдаль, лицо его было невозмутимо. Род Янь когда-то поклялся небом: из поколения в поколение защищать власть рода Гу.

Верность, долг, без предательства!

<http://bllate.org/book/25721/3075302>